

С.А. Абрамов

Охрана нематериального культурного наследия в Республике Корея

Аннотация. Цель данной статьи — рассмотреть влияние Конвенции об охране нематериального культурного наследия 2003 г. (далее — Конвенция ЮНЕСКО 2003 г.), к которой Республика Корея (РК) присоединилась в 2005 г., на систему нематериального культурного наследия (НКН) Кореи и обозначить существующую проблематику.

В РК система НКН существует с момента принятия в 1962 г. Закона об охране культурного наследия. Впоследствии в данный закон были внесены существенные изменения, в результате чего в 2016 г. был принят новый закон «О сохранении и развитии нематериального культурного наследия». Он не только значительно расширил сферу НКН и управления им, но и привел к существенным изменениям в правовом и политическом аспектах регулирования нематериального культурного наследия в РК.

В частности, серьезным изменением в системе НКН стало открытие в 2013 г. Национального центра нематериального наследия (국립무형유산원) в г. Чонджу, РК, который будет заниматься исследованиями, продвижением и поддержкой нематериального культурного наследия.

Особое место в статье занимает оценка итогов и работы очередного всемирного форума, посвященного охране нематериального культурного наследия (2023 World Forum for Intangible Cultural Heritage), состоявшегося 1—2 сентября 2023 г. в г. Чонджу.

Ключевые слова: нематериальное культурное наследие, интеллектуальная собственность, ЮНЕСКО, Республика Корея.

Автор: Абрамов Сергей Александрович, исследователь, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Среднерусский институт управления, филиал, г. Орел, Россия. ORCID: 0000-0001-6968-033X. E-mail: sergey.abramov86@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Абрамов С.А. Охрана нематериального культурного наследия в Республике Корея // Корееведение. 2023. № 4 (5). С. 5—18.
DOI: 10.48647/ICCA.2023.29.85.002.

Abramov S.A.

The Principal Objectives for the Safeguarding of Intangible Cultural Heritage in the Republic of Korea

Abstract. This article aims to examine the impact of the 2003 Convention for the Safeguarding of Intangible Cultural Heritage, to which Korea acceded in 2005, on Korea's intangible cultural heritage system and to identify the extant challenges. Korea has maintained an Intangible Cultural Heritage (ICH) system since the enactment of the Cultural Heritage Protection Act in 1962. Subsequently, the 1962 Act underwent substantial amendments in 2016, resulting in the enactment of a new Act on the Safeguarding and Promotion of Intangible Cultural Heritage. The ICH Act of 2016 not only significantly broadened the scope of ICH and its management but also brought about noteworthy changes in the legal and policy aspects of ICH regulation in the Republic of Korea.

A significant transformation in the ICH system was the establishment of the National Intangible Heritage Centre in 2013. The National Intangible Heritage Centre (국립무형유산원), located in Jeonju City, Republic of Korea, is dedicated to researching, promoting, and supporting intangible cultural heritage.

This article allocates special attention to evaluating the outcomes and proceedings of the upcoming World Forum for Intangible Cultural Heritage (2023 World Forum for Intangible Cultural Heritage) held on 1–2 September 2023 in Jeonju, Republic of Korea.

Keywords: intangible cultural heritage, intellectual property, UNESCO, the Republic of Korea, DPRK.

Author: Sergey A. ABRAMOV, researcher, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Central Russian Institute of Management. ORCID: 0000-0001-6968-033X. E-mail: sergey.abramov86@gmail.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Abramov S. A. (2023). Ohrana nematerial'nogo kul'turnogo naslediya v Respublike Koreya [The Principal Objectives for the Safeguarding of Intangible Cultural Heritage in the Republic Korea]. *Koreevedenie [Koreanology]*, 2023, 4 (5): 5–18. (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2023.29.85.002.

Прежде чем присоединиться к Конвенции ЮНЕСКО 2003 г., страны Северо-Восточной Азии, такие как Южная Корея, Китай, Япония и Северная Корея, должны были соответствующим образом модифицировать существующие или создать новые институты охраны НКН. Эти изменения не были единообразными и сильно различались в зависимости от уровня понимания Конвенции ЮНЕСКО 2003 г., этнического и политического контекста в каждой стране.

Становление и характерные черты системы охраны НКН в Республике Корея

Первоначально власти РК считали, что Конвенция ЮНЕСКО 2003 г. не отличается радикально от существующей системы НКН, которая действовала в стране с 1962 г. [Наhm, 2015, p. 41].

Утверждалось даже, что ЮНЕСКО переняла некоторые аспекты корейской системы НКН. Однако эти две системы существенно различаются по целям и критериям назначения.

До 2016 г. корейская система НКН основывалась на Законе о культурном наследии 1962 г., который был принят как прямой перевод японского Закона о защите культурных ценностей 1954 г. [Lee, 2009, p. 11] Однако корейская система отличалась от японской.

После японской оккупации (1910—1945), Корейской войны (1950—1953) и вестернизации под эгидой ООН РК обеспечила международную охрану НКН через структуры ЮНЕСКО в середине XX в. До оккупации Сеул и Токио связывала долгая история конфликтов, но попытка Японии колонизировать Корею окончательно изменила характер их взаимодействия.

Контроль японского генерал-губернаторства (ЯГГ) над сохранением корейской культуры и управлением наследием привел к созданию музеев корейских реликвий и развитию исторического туризма, а также к реформированию народной культуры [Atkins, 2010, p. 99]. В 1916 г. при ЯГГ было создано Управление по изучению корейских реликвий, в состав которого вошли представители бюрократического аппарата генерал-губернаторства [Malianghkaу, 2017, p. 30]. В Законе 1916 г., касающемся правил сохранения древних реликвий, основное внимание уделялось составлению отчетов о находках, а также обеспечению соответствующих методов консервации реликвий. ЯГГ взяло на себя контроль над археологической и охранной деятельностью в отношении объектов культурного наследия [Atkins, 2010, p. 101]. Контролируя сохранность исторических памятников и реликвий, ЯГГ определяло контуры корейской национальной идентичности. В 1933 г. был принят Закон о защите культурных ценностей (국가무형문화재보유자 в Корею [Malianghkaу, 2017, p. 31]. Поскольку в Законе 1916 г. не было дано правильного определения обладателей национального нематериального культурного наследия, а сам термин отсутствовал в корейском праве, несмотря на его использование в Японии в виде соответствующего термина «живое национальное сокровище» (яп. *нингэн кокухо*) [Atkins, 2010, p. 100], в Законе 1933 г. было расширено определение того, кто может претендовать на данный статус [Malianghkaу, 2017, p. 32].

Хотя в риторике Японии подчеркивалось, что ее политика направлена на благо корейских граждан, очевидно, что японцы руководствовались своими политическими соображениями [Malianghkaу, 2017, p. 33]. Интерпретация корейской истории, уничтожение национальных достопримечательностей, перестройка народной культуры отвечали интересам ЯГГ, рассматривавших корейцев как колониальных подданных. На протяжении десятилетий вплоть до 1945 г. Японская империя извлекала выгоду из корейских ресурсов и культуры в своих собственных интересах.

В 1954 г. Япония внесла поправки в Закон о защите культурных ценностей, отделив народные ремёсла от материального культурного наследия, создав категорию «народные ремёсла» (в 1975 г. она была переименована в «народное культурное наследие») отдельно от НКН [Lee, 2009, p. 13].

Закон о защите культурных ценностей (ЗЗКЦ) 1962 г. стал первым элементом правового регулирования культурного наследия, появившимся в РК в период после японской оккупации.

ЗЗКЦ по примеру Японии стал инструментом модернизации, а не сохранения традиций, которые мешали Сеулу добиваться научных, экономических и дипломатических успехов [Rossi, 2018, p. 89].

В то же время РК выделила только категорию НКН и не имела отдельной категории для нематериального «народного культурного наследия». Это различие свидетельствует о том, что взгляды двух стран на культурное наследие с самого начала расходились. В Японии основными объектами нематериального культурного наследия являются ремёсла и исполнительское искусство (кабуки, металлообработка, лакировка, крашение и т. д.). Нематериальное народное культурное наследие отнесено к региональным и специфическим для повседневной жизни культурным элементам, включая народные обычаи, ежегодные события и фестивали.

В РК, напротив, нематериальное народное культурное наследие не выделено в отдельную категорию, а лишь обозначены важные нематериальные культурные ценности, к которым относятся «театр, музыка, танцы, пьесы, ритуалы, ремесленные навыки и т. д.», оцениваемые как «национальное, этническое или мировое наследие, имеющее выдающуюся историческую, художественную, научную или живописную ценность» [Park, 2023, p. 30]. Данный подход характеризует местную народную культуру в качестве субъединицы в формировании национальной и этнической идентичности.

Как и Япония, РК определила НКН как «театр, музыку, ремесленные навыки и другое нематериальное культурное наследие, имеющее высокую историческую или художественную ценность для Кореи», а народное культурное наследие — как «культурные обычаи, народные представления, традиционные ремёсла и предметы, такие как одежда, орудия труда, дома и т. д., используемые в питании, одежде, жилище, ремеслах, религии, ежегодных праздниках и т. д., необходимые для передачи следующим поколениям корейских граждан» [Naam, 2020, p. 107]. Однако, в отличие от Японии, в РК исторически сложилось так, что народным культурным наследием считается только материальное наследие.

Еще одним фактором, обуславливающим специфику правовой охраны НКН в РК, является напряженность на Корейском полуострове, выраженная, помимо прочего, в том, что две соседние страны были вынуждены делить, дублировать и бороться за общее НКН. Подобное положение дел может быть объяснено процессами деколонизации, проходившими в XX в. [Абрамов, 2023, с. 46] Это был непростой период для материального права, что же до нематериальных культурных ценностей, то они рассматривались как объекты права интеллектуальной собственности с присущими им ограничениями в виде исключительных прав, а также как форма копирайта. На практике это означало то, что у каждого объекта нематериальной культуры должен быть сингулярный правообладатель в рамках национальной юрисдикции. Международная защита нематериальной культуры велась, тем не менее, не в рамках Всемирной организации интеллектуальной

собственности (ВОИС), а ЮНЕСКО, что привело в отсутствие практики защиты права приоритета к существованию множества разных национальных деривативов культурных ценностей. Ввиду того, что юридическая конструкция подобной практики была несбалансированной, данный правовой механизм не принес ощутимых результатов.

Ревизия подобной политики началась уже в XXI в. В рамках постколониальной доктрины интеллектуальной собственности [Абрамов, 2023, с. 46] право стало более гибким и допускает коллективные взаимодействия между субъектами и объектами. Были оставлены попытки вписать традиционные сообщества в правовые рамки эпохи модерна, и вместе с тем вновь обращалось внимание на ценность традиционной культуры в развитом постиндустриальном обществе.

В качестве предвестника подобной трансформации может служить взаимодействие РК и КНДР в рамках их общего НКН — лирической народной песни «Ариран» (아리랑).

О том, что «Ариран» выражает чувства, общие для всех корейцев, и уважение между ними, свидетельствует тот факт, что спортсмены с севера и юга Кореи пели «Ариран», когда совместно выходили на церемонию открытия XXVII Олимпийских игр в Сиднее (Австралия) в 2000 г. В этом же ключе следует отметить, что на нескольких концертах, посвященных общенациональному воссоединению, народные музыканты и певцы с севера и юга Кореи, а также из-за рубежа исполняли «Ариран», отражая боль национального разделения и стремление к воссоединению. Другими словами, «Ариран» демонстрирует, что корейцы говорят на одном языке и имеют общую культуру.

Подобные трансграничные проявления НКН не были возможны в рамках национального законодательства стран Корейского полуострова и правового аппарата ЮНЕСКО конца XX в.

Номинация «живое национальное сокровище» (인간 문화재) (ЖНС) в РК была создана в 1962 г., когда в стране был принят ЗЗКЦ, что совпало с ростом корейского национализма во время правления Пак Чон Хи [Rossi, 2018, p. 73]. В то время многие традиционные ритуалы использовались в качестве протеста против подавления правительством традиционных и демократических устоев, для политических протестов против администрации Пака [Rossi, 2018, p. 74]. Курс на изоляцию народа от традиционной культуры может быть одной из характеристик корейского национализма 60—70-х годов XX в. Целью данной политики являлось замещение ценностей, сформированных местными сообществами, на общегосударственную идеологию, направленную на ускоренную модернизацию. Отказ от традиционных костюмов, деловая одежда, планирование семьи вели к дальнейшему подавлению религиозных и культурных традиций, которые были частью корейских общественных обычаев [Rossi, 2018, p. 74].

Присвоение номинации ЖНС отдельному лицу, а вместе с этим и исключительных прав на объекты НКН выполняло две важные функции. *Во-первых*, обеспечение контроля за традиционной культурой посредством сужения круга лиц, являющихся правообладателями. *Во-вторых*, ориентация на Запад, где ЖНС воспринималось в качестве персональных привилегий, существовавших в западной доктрине интеллектуальной собственности вплоть до конца XIX в.

Между тем регрессивный характер привилегий не соответствовал декларируемым ЮНЕСКО и ВОИС инициативам по борьбе с культурной апроприацией и за универсализм права интеллектуальной собственности [Абрамов, 2023, с. 48].

Тем не менее, в отличие от японской, корейская система ЖНС фокусируется на образовательном аспекте и практике передачи знаний. В корейской системе обозначены не только лица, но и группы лиц, не связанных кровным родством, которые могут обучать других практикам, хранителями которых они являются.

В соответствии с Законом 2015 г., корейская система ЖНС состоит из лиц трех категорий: сертифицированный обучающийся, преемник и непосредственно ЖНС.

Корейское общество, пропитанное «конфуцианскими ценностями», тем не менее установило определенные рамки в отношении старшего поколения в качестве ЖНС. С одной стороны, это звание дает его обладателям почет и чувство собственного достоинства. С другой стороны, если обладатель титула уходит из жизни, а его преемник не смог продолжить его ремесло, то объект НКН теряет охраноспособность.

Как правило, номинация ЖНС присваивается лицам, несмотря на их возраст или отсутствие активности. Однако с 1990-х годов в РК стали номинировать ЖНС более молодых кандидатов, поскольку некоторые виды деятельности НКН требуют сил и выносливости, например, театр и танцы.

Молодые номинанты не мешают пожилым кандидатам стать ЖНС; этот процесс символизирует тот факт, что определенные качества более полезны для сохранения НКН, чем возрастная опыт.

В последние двадцать лет с момента подписания Конвенции ЮНЕСКО 2003 г. практика ЖНС была приведена в соответствие с постколониальными представлениями о праве интеллектуальной собственности: упразднение привилегий, универсальный и коллективный характер правообладания. В результате всеупотребительным стало понятие «живое наследие», обозначающее знания и навыки, которые используются людьми на практике и передаются молодым поколениям. Подобная формулировка отразила влияние РК на практики охраны НКН ЮНЕСКО.

В 2016 г. на основе ЗЗКЦ был принят Закон об охране и развитии нематериального культурного наследия. Если в ЗЗКЦ не упоминается защита и сохранение НКН, то в новом законе основное внимание уделяется сохранению НКН и важности нематериального наследия в РК [Rossi, 2018, p. 92]. Этот закон в некотором смысле отходит от японской правовой традиции, поскольку он опирается на Конвенцию ЮНЕСКО 2003 г., которую РК и Япония, а также другие государства-члены разработали совместно с этой организацией [Rossi, 2018, p. 92]. Закон 2016 г. контрастирует с ЗЗКЦ, который был ориентирован в большей степени на государство [Rossi, 2018, p. 94]. В преамбуле Закона 2016 г. говорится о стремлении граждан использовать традиционную культуру через сохранение и популяризацию НКН. Акцент на гражданах знаменует собой существенный сдвиг в риторике, которая ранее не учитывала состояние гражданского и местного сообщества, ставя на первое место интересы государства и страны. Менталитет, сформировавшийся у корейцев во время японской оккупации, а также

политическая напряженность на Корейском полуострове и необходимость ускоренной модернизации РК в XX в. препятствовали возможности должного возрождения национальной идентичности.

После вступления Закона 2016 г. в силу многие политические документы в области культурного наследия, принятые различными государственными органами, были пересмотрены. Ранее документы часто игнорировали НКН, однако в последние годы нематериальное культурное наследие приносит дополнительные инвестиции за счет развития ремесленной индустрии и туризма.

Корейская система НКН охватывала и нематериальное народное культурное наследие, включая ритуалы, которые подчеркивают региональные особенности, их социальный характер. Таким образом, сфера применения НКН в РК ранее не включала народную культуру, под которой понимаются репрезентативные элементы повседневной культуры народа. Южнокорейская трактовка НКН отличалась от трактовок Конвенции ЮНЕСКО 2003 г., в которых акцент делается на живом наследии или, другими словами, на культурных элементах, участвующих в воспроизводстве культурной самобытности.

Более того, положение Конвенции ЮНЕСКО 2003 г. о живом наследии не сводится к этнической культуре, а подразумевает культурную самобытность местных сообществ. Данная трактовка оказалась для РК более новой, чем для Японии, включившей понятие «живое наследие» в свое культурное наследие через систему нематериального народного культурного наследия.

Изменения, внесенные в концепцию нематериального культурного наследия с момента вступления в силу в Республике Корея Конвенции ЮНЕСКО 2003 г.

Поправка 2016 г. к закону «О культурном наследии» [Наhm, 2020, р. 106] внесла существенные изменения в существующую в РК концепцию нематериального культурного наследия.

Прежде всего, определение НКН было изменено на «нематериальное культурное наследие, которое передавалось на протяжении многих поколений, относящееся к тем, которые подпадают под любой из следующих пунктов». В частности, в законе говорится о семи категориях, включающих: 1) традиционные исполнительские виды искусства; 2) традиционные навыки, касающиеся ремесел, искусства и т. д.; 3) традиционные знания, касающиеся корейской медицины, сельского хозяйства, рыболовства и т. д.; 4) устные традиции и выражения; 5) традиционный образ жизни, касающийся еды, одежды, жилья и т. д.; 6) социальные ритуалы, такие как народная религия; 7) традиционные игры, фестивали, а также боевые искусства [Park, 2023, р. 33].

Закон о культурном наследии 2016 г. значительно расширил существующую категорию НКН, которая ограничивалась театром, музыкой, танцами, пьесами, ритуалами, ремесленными навыками и т. д. Данное изменение было внесено с учетом Конвенции ЮНЕСКО 2003 г., в которой особое внимание уделяется взаимоотношениям с местными сообществами.

РК ратифицировала Конвенцию ЮНЕСКО 2003 г. в 2005 г. РК пользуется исключительными правами в отношении следующих объектов НКН: тхальчум (탈춤) — танцевальная драма в масках в РК 2022 г., эпические песнопения пхансори (판소리) 2003 г. и пр. Некоторые объекты НКН КНДР дублируют объекты НКН, номинированные РК, например, лирическая народная песня «Ариран» (아리랑) в 2012 г., кимчжан (김장) — процесс приготовления кимчи (김치) в 2013 г. Причиной этому служат правила приоритета, лежащие основе права интеллектуальной собственности.

В последние годы две страны составляют совместные заявки на регистрацию объектов НКН. Примером является номинация традиционной корейской борьбы ссырым (씨름), находящаяся в совместном ведении РК и КНДР.

С 2017 г. значительно увеличилось количество так называемых номинаций без назначения исключительных прав, в том числе ссырым (씨름), хэнь — женщины-нырлящицы с о. Чечжу (제주해녀문화), изготовление кимчи (김치와 김장문화), Ёндынхве — фестиваль лotosовых фонарей (연등회), музыка нонак (농악), плетение моси (한산모시).

В случае прочих объектов НКН правообладателями являются общественные организации. Примером может служить древнее корейское боевое искусство тхэккён (태권/택견/托肩), традиционный корейский танец с масками «Тхальчум» (대한민국의 탈춤), традиционное корейское представление канатоходца «Чультхаги» (줄타기), традиционные песни (가곡), традиционная деревянная архитектура тэмокчан (대), представление «Намсадан Нори», буддийский ритуал Ёнсанчжэ (영산재, 靈山齋), шаманский ритуал Чхильморидад Ёндынгут на о. Чечжу (제주 칠머리당영등굿), танец «Чхоёнму».

В рамках охраны практик соколиной охоты (매사냥) РК обладает правами наряду с другими государствами, такими как: Объединенные Арабские Эмираты, Австрия, Бельгия, Хорватия, Чехия, Франция, Германия, Венгрия, Ирландия, Италия, Казахстан, Киргизия, Монголия, Марокко, Нидерланды, Пакистан, Польша, Португалия, Катар, Саудовская Аравия, Словакия, Испания и Сирийская Арабская Республика.

Традиции перетягивания каната (줄다리기) охраняются совместно с Камбоджей, Филиппинами и Вьетнамом.

Только несколько из более чем двух десятков объектов подпадают под прежнее законодательное понятие «декоративно-прикладное искусство»: фестиваль Тано в Канныне, нонак, пхансори. Однако это не означает, что Закон о культурном наследии 2016 г. отходит от существующей концепции НКН и определяет совершенно новую концепцию.

Прежде всего, Закон 2016 г. определяет культурное наследие как искусственно или естественно сформированное национальное, этническое или мировое наследие, имеющее выдающуюся историческую, художественную, научную или художественную ценность, что по-прежнему определяет ценность обозначенного культурного наследия по отношению к нации и этносу [Наhm, 2020, p. 107]. Однако на практике объекты НКН, включенные в перечень с 2017 г., редко ограничиваются конкретным регионом или небольшим сообществом; в основном они состоят из культурных элементов, которые широко признаны как часть корейской культуры.

Кроме того, Закон о НКН 2016 г., предусматривающий положения о назначении, управлении и продвижении нематериального культурного наследия, в качестве основного принципа выделяет сохранение «архетипа», а не «оригинальной формы», и направлен на: 1) воспитание национальной идентичности; 2) передачу и развитие традиционной культуры; 3) осознание и повышение ценности нематериального культурного наследия. Закон определяет архетипы как «неотъемлемые черты, составляющие ценность конкретного нематериального культурного наследия» [Park, 2023, p. 36].

Однако указанная ценность НКН по-прежнему сосредоточена на этнической идентичности и традиционной культуре, что ставит под сомнение ее отличие от существующей концепции архетипов.

Пересмотренное в 2020 г. Положение об исследовании и экспертизе национального нематериального культурного наследия и признании специалистов-практиков (Постановление администрации по культурному наследию № 583) [Park, 2023, p. 38] демонстрирует усилия по отражению новой концепции в существующих объектах НКН. В 2020 г. к существующим критериям для объектов НКН была добавлена категория «знания и обычаи повседневной жизни» [Park, 2023, p. 36].

Эти изменения рассматриваются как попытка корейского правительства сблизить определение ЮНЕСКО НКН как живой культуры, которая продолжает участвовать в процессе воспроизводства знаний и опыта, с корейским определением НКН, которое изначально было призвано сохранить навыки, теряющие конкурентоспособность и исчезающие в процессе модернизации с 1962 г. в сфере национальной культуры.

Деятельность Национального центра нематериального наследия в Республике Корея

Еще одним важным изменением, произошедшим с принятием Конвенции ЮНЕСКО 2003 г., стало создание в 2013 г. Национального центра нематериального наследия (далее — Центр) при Управлении культурного наследия (국립무형유산원) — первого комплексного административного института, занимающегося сохранением корейских объектов НКН. Центр является многопрофильной организацией, где размещаются галереи для выставок, залы для выступлений, архивы, учебные пространства. Одной из основных его задач является расширение рынка традиционных ремесел. Учреждение стало ядром международного сотрудничества в области НКН, а также площадкой для всемирного форума, посвященного охране НКН.

В качестве основной миссии руководством Центра поставлена задача сохранения корейской культурной самобытности и культурного разнообразия посредством творческого наследования нематериального наследия и расширения, связанных с ним ценностей. Центр обязуется охранять и развивать корейское нематериальное наследие как живую культуру посредством ее сохранения, передачи и взаимодействия, как культуру, которая идет в ногу со временем посредством

креативного осмысления и выражения НКН и которая ощущается в повседневной жизни.

Центр вносит свой вклад в расширение права на пользование объектами НКН, расширяя соответствующую осведомленность и участие общественности посредством широкого спектра рекламных мероприятий, касающихся распространения нематериального наследия. Также осуществляется поддержка традиционных ремёсел, продвигая их превосходство и предоставляя различную поддержку, включая консультации по дизайну и продвижение преемников традиционного мастерства. Центр создает возможности для расширения понимания нематериального наследия посредством организации тематических выставок. Им проводится огромная работа по созданию базы данных нематериального наследия посредством опросов и исследований.

Учреждение предлагает различные учебные курсы по нематериальному наследию, которые помогут заложить основу для последующих практиков, систематического сохранения и передачи нематериального наследия. Кроме того, Центр предоставляет возможности участия в образовательном процессе в области нематериального наследия.

Все это свидетельствует о признании политиками того факта, что подход к нематериальному культурному наследию должен отличаться от подхода, ориентированного на реставрацию и консервацию культурных ценностей. Созданный в 2013 г. Национальный центр нематериального наследия занимается исследованием, продвижением и поддержкой людей и сообществ, передающих нематериальную культуру.

С 2017 г. Центр проводит комплексное и с 2021 г. углубленное исследование нематериального наследия РК. В прошлом комплексное исследование народной культуры РК проводилось с 1968 по 1981 г., после вступления в силу ЗЗКЦ 1962 г. [Park, 2023, p. 40].

С тех пор исследовательские отчеты, как правило, были посвящены практикам декоративно-прикладного искусства или признанным объектам культурного наследия, в то время как комплексные исследования проводились редко, за исключением религиозных практик. После принятия в 2016 г. поправки к Закону о культурном наследии Национальный центр нематериального наследия с 2017 г. проводит комплексное исследование НКН РК. Так, «Комплексное исследование нематериального наследия Кореи 2017 г.: сельское хозяйство и рыболовство» стало первым общенациональным исследованием после «Комплексного исследования корейского фольклора» 1968 г. [Наhm, 2020, p. 107].

Однако оно подверглось критике за то, что не смогло выйти за рамки фрагментарных отчетов о техническом процессе и знаниях в области сельского хозяйства и рыболовства [Park, 2023, p. 42]. Несмотря на то что были предприняты попытки исследования сельского хозяйства и рыболовства, мало внимания уделялось тому, как конкретные навыки и знания функционируют в связи с обществом, природой, выходя за рамки традиционной перспективы, ориентированной на навыки. В ответ на эти критические замечания Центр выступил с инициативой проведения углубленного исследования по всестороннему изучению немате-

риального наследия РК. Целью исследования было изучение ценности знаний в области сельского хозяйства и рыболовства как нематериального культурного наследия, о котором ранее сообщалось лишь фрагментарно.

Всемирный форум нематериального культурного наследия

ЮНЕСКО уже давно подчеркивает роль НКН как движущей силы культурного разнообразия и способа гарантировать устойчивое развитие. В духе Рекомендации об охране традиционной культуры и фольклора 1989 г., Всеобщей декларации о культурном разнообразии 2001 г., принятой в целях преодоления межкультурных границ и достижения взаимного уважения, а также Стамбульской декларации 2002 г. ЮНЕСКО создала основу для разработки политики защиты НКН. Так, в 2003 г. была принята Конвенция об охране нематериального культурного наследия с целью обеспечить защиту и передачу НКН как жизненно важного элемента поддержания культурного разнообразия в условиях ускоренной интенсификации глобализированной среды [Lixinski, 2020, p. 140].

В 2023 г. исполняется 20 лет со дня принятия ЮНЕСКО Конвенции об охране нематериального культурного наследия. За этот период 180 государств — членов Организации и различные заинтересованные стороны предприняли на основе Конвенции различные усилия для защиты НКН стремясь обеспечить его устойчивое будущее. В честь круглой даты ЮНЕСКО предложила провести памятное мероприятие, посвященное ценностям Конвенции, а именно Всемирный форум нематериального культурного наследия, на что правительство РК выразило желание участвовать в данной инициативе.

Всемирный форум нематериального культурного наследия, прошедший 1—2 сентября 2023 г. в г. Чонджу, РК под знаком «Достижения в сохранении НКН за последние два десятилетия и дальнейшие перспективы», дал возможность высказаться политикам, общественным организациям и экспертам об их опыте и достижениях в области защиты НКН за последние 20 лет.

На заседаниях форума были рассмотрены дискурсы и тенденции в области охраны НКН путем изучения проблем деятельности ЮНЕСКО, образования, преодоления кризисов [Park, 2023, p. 33], которые возникли после принятия Конвенции 2003 г. [Ubertazzi, Richardson, 2023, p. 24]. Также обсуждались особенности охраны НКН с точки зрения взаимодействия регионов, окружающей среды и культуры [Oh, 2023, p. 107]. На одном из заседаний обсуждалось поддержание и развитие инклюзивного и устойчивого общества, опыт исследований и проектов, которые представили эффективные примеры инклюзивного социального развития посредством НКН и схемы сотрудничества в целях устойчивого развития. Важной темой стало будущее НКН в контексте городского планирования, постгуманизма, информационных технологий и творчества, которые, как ожидается, будут способствовать сохранению нематериального культурного наследия для будущих поколений.

Заключительная секция была посвящена различным проектам, реализуемым в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Также обсуждались характеристики и взаимосвязь охраны НКН с точки зрения региона, окружающей среды и культуры.

Заключение

Влияние, оказанное Японией на культурное наследие РК, в частности на ее НКН и национальную идентичность, отражалось в корейском праве на протяжении XX в. Правовое регулирование НКН было инспирировано японской правовой традицией, несмотря на заметные отличия права РК и отдельных институтов (ЖНС). Только в XXI в. Южная Корея смогла стать передовым примером в отношении правовой охраны НКН.

После присоединения к Конвенции ЮНЕСКО 2003 г. в системе и политике РК в области НКН произошло множество изменений, но серьезным препятствием на их пути, пожалуй, стало общественное восприятие культурного наследия как национальной культуры, укрепившееся за последнее столетие. Классическим примером является приготовление кимчи, которое в 2013 г. было включено в список НКН ЮНЕСКО. Некоторые корейцы продолжают считать, что включение кимчи в список нематериального культурного наследия человечества отражает признание миром культуры кимчи как уникально корейской.

Мало кто понимает, что ценность кимчи заключается в том, что оно является важной частью корейской культурной самобытности и олицетворяет культуру совместного проживания и гармонии с природой. Представляется, что в РК как должностным лицам соответствующих организаций, так и рядовым гражданам необходимо больше задумываться о природе культурного наследия [Park, 2023, p. 43]. Конвенция ЮНЕСКО 2003 г. призывает обратить внимание на знания или мировоззрение, ориентированные на сообщество, а также на универсальные ценности, заложенные в них, обозначая интерес корейского народа к малым, но универсальным культурам, которые не сводятся к этнической принадлежности. Кроме того, этот инструмент может смягчить негативные аспекты модернизации и национализма, которые доминировали в корейском обществе последние полтора столетия.

Отношение к нематериальному культурному наследию человека как к исключительной собственности отдельных стран и народов заставляет задуматься о международных отношениях как таковых. Как и во многих других странах, большинство южнокорейцев продолжает считать, что этнические обычаи являются важной частью их национальной идентичности даже несмотря на то, что повседневная жизнь стала гораздо более вестернизированной. Многие корейцы огорчились, когда в 2009 г. танец корейского народа наконец был включен Китаем в список нематериального культурного наследия человечества, а многие китайцы, возможно, испытали аналогичные чувства, когда в 2005 г. фестиваль Тано в Каньине был включен РК в список нематериального культурного наследия человечества [Park, 2023, p. 40].

Эти случаи часто используются в качестве аргументов в пользу бесполезности политики ЮНЕСКО в области НКН. Однако данный феномен подчеркивает необходимость международного сотрудничества для достижения целей программы ЮНЕСКО в области НКН [Machado, 2021, p. 2]. В будущем органам культуры и соответствующим организациям будет необходимо не только обозначать и управлять собственным нематериальным культурным наследием, но и развивать

активное политическое сотрудничество в этой области со странами, где возникают конфликты по поводу нематериального культурного наследия человечества [Ubertazzi, 2020, p. 4]. Кроме того, ЮНЕСКО должна активно участвовать в международном политическом сотрудничестве, а не просто обозначать нематериальное культурное наследие и управлять им, чтобы реализовать свои основные ценности — мир и взаимопонимание в области культуры.

Библиографический список

Абрамов С.А. Постколониальная теория и исследование права интеллектуальной собственности // IP: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА, 2023, № 1(1). С. 46—56.

Atkins E. T. Primitive Selves: Koreana in the Japanese Colonial Gaze, 1910—1945. Colonialisms 5. Berkeley, CA: University of California Press, 2010.

Hahm Han-hee. A Cross-cultural Study of Safeguarding Activities of Intangible Cultural Heritage in East Asian Countries, Intangible Heritage Studies, Vol. 5, Issue 1. (Center for Intangible Culture Studies, Jeonbuk National University, 2020).

Hahm Han-hee. A Study of Construction of Intangible Cultural Heritage Discourse and Its Development // Journal of Intangible Heritage, Issue 1. (Center for Intangible Culture Studies, 2015).

Lee Sang-hyun, Placemaking and the Politics of Intangible Cultural Heritage, The Study of Practice Folkloristics, 2009, Vol. 13, p. 281.

Lixinski L. Religious heritage in international law: Nationalism, culture, and rights // Pravovedenie, 2020, Vol. 64, No. 1. Pp. 138—155. DOI: 10.21638/spbu25.2020.111.

Machado, Diogo. What is Heritage For? Law, Heritage, and Value // Routledge Handbook of Heritage and the Law.

Maliangkay, R., Lau F. Broken Voices: Postcolonial Entanglements and the Preservation of Korea's Central Folksong Traditions. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2017. URL: muse.jhu.edu/book/61286 (дата обращения: 14.10.2023).

Oh Changhyun. Implementation and Challenges of Korea's Accession to the UNESCO Intangible Cultural Heritage System // 20th Anniversary of the 2003 Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage Achievements in Safeguarding ICH over the Past Two Decades and Further Prospects, Jeonju, Republic of Korea, 2023. Pp. 107—114.

Park Hyung-Bin. Peace in the Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage, and the Joint Inscription of Ssireum // 20th Anniversary of the 2003 Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage Achievements in Safeguarding ICH over the Past Two Decades and Further Prospects, Jeonju, Republic of Korea, 2023. Pp. 32—42.

Rossi J. The 'Living Human Treasures' System in the Republic of Korea. Università Ca' Foscari Venezia, 2018. Pp. 1—154.

Ubertazzi B. Guest editor's note: Culture, sustainable development and UNESCO // Pravovedenie, 2020, Vol. 64, No. 1. Pp. 4—14.

Ubertazzi B. Safeguarding Intangible Cultural Heritage and the environment // Pravovedenie, 2020, Vol. 64, No. 1. Pp. 124—137. DOI: 10.21638/spbu25.2020.110.

Ubertazzi, B., Richardson T. The 2003 Convention and the Global Capacity Building Programme: Recent Experiences in Greece and Italy // 20th Anniversary of the 2003 Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage Achievements in Safeguarding ICH over the Past Two Decades and Further Prospects, Jeonju, Republic of Korea, 2023. Pp. 23—27.

References

Abramov S.A. (2023). Postkolonial'naja teorija i issledovanie prava intellektual'noj sobstvennosti [Postcolonial theory and the study of intellectual property rights], *IP: TEORIJA I PRAKTIKA*. No (1): 46—56. (In Russian.).

Atkins E. T. (2010). *Primitive Selves: Koreana in the Japanese Colonial Gaze, 1910—1945*. Berkeley, CA: University of California Press.

Hahm Han-hee (2020). A Cross-cultural Study of Safeguarding Activities of Intangible Cultural Heritage in East Asian Countries, *Intangible Heritage Studies*, Vol. 5 (1).

Hahm Han-hee (2015). A Study of Construction of Intangible Cultural Heritage Discourse and Its Development, *Journal of Intangible Heritage*, Issue 1.

Lee Sang-hyun (2009). Placemaking and the Politics of Intangible Cultural Heritage, *The Study of Practice Folkloristics*, Vol. 13, 281 p.

Lixinski L. (2020). Religious heritage in international law: Nationalism, culture, and rights, *Pravovedenie*. Vol. 64, No. 1: 138—155. DOI: 10.21638/spbu25.2020.111.

Machado Diogo (2021). What is Heritage For? Law, Heritage, and Value, *Routledge Handbook of Heritage and the Law*.

Maliangkay, R., Lau F. (2017). *Broken Voices: Postcolonial Entanglements and the Preservation of Korea's Central Folksong Traditions*. Honolulu: University of Hawai'i Press. URL: muse.jhu.edu/book/61286 (accessed: 14.10.2023).

Oh Changhyu (2023). Implementation and Challenges of Korea's Accession to the UNESCO Intangible Cultural Heritage System. 20th Anniversary of the 2003 Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage Achievements in Safeguarding ICH over the Past Two Decades and Further Prospects, Jeonju, Republic of Korea: 107—114.

Park Hyung-Bin (2023). Peace in the Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage, and the Joint Inscription of Ssireum. 20th Anniversary of the 2003 Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage Achievements in Safeguarding ICH over the Past Two Decades and Further Prospects, Jeonju, Republic of Korea: 32—42.

Rossi, J. (2018). The 'Living Human Treasures' System in the Republic of Korea, *Università Ca' Foscari Venezia*: 1—154.

Ubertazzi, B. (2020). Guest editor's note: Culture, sustainable development and UNESCO, *Pravovedenie*. Vol. 64, No. 1: 4—14.

Ubertazzi, B. (2020). Safeguarding Intangible Cultural Heritage and the environment, *Pravovedenie*. Vol. 64, No. 1: 124—137. DOI: 10.21638/spbu25.2020.110.

Ubertazzi, B., Richardson T. (2023). The 2003 Convention and the Global Capacity Building Programme: Recent Experiences in Greece and Italy. 20th Anniversary of the 2003 Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage Achievements in Safeguarding ICH over the Past Two Decades and Further Prospects, Jeonju, Republic of Korea: 23—27.

Поступила в редакцию: 15.10.2023

Принята к публикации: 13.11.2023

Received: 15.10.2023

Accepted: 13.11.2023